

МАРГАРИТА ПАЛЬШИНА

Квадрат неба

СБОРНИК АНТИУТОПИЙ

Маргарита Пальшина

Квадрат неба. Сборник антиутопий

«Издательские решения»

Пальшина М.

Квадрат неба. Сборник антиутопий / М. Пальшина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744463-1

Квадрат неба человек видит из окна... тюремной камеры, откуда нет выхода, чтобы увидеть его беспредельность. Камеры необязательно буквальной, в тюрьму превращается любой мир или общество, ограничивающие возможности человека быть и оставаться Человеком. «Квадрат неба» — сборник современной фантастики, в который вошли произведения: роман-антиутопия, роман-притча «Белый город», рассказы «Безбрежные дни», «Исповедь ликвидатора» и «Квадрат неба».

ISBN 978-5-44-744463-1

© Пальшина М.
© Издательские решения

Содержание

Белый город	6
Часть 1.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Квадрат неба

Сборник антиутопий

Маргарита Пальшина

© Маргарита Пальшина, 2017

ISBN 978-5-4474-4463-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Квадрат неба человек видит из окна... тюремной камеры, откуда нет выхода, чтобы увидеть его беспредельность. Камеры необязательно буквальной, в тюрьму превращается любой мир или общество, ограничивающий возможности человека быть и оставаться Человеком.

«Квадрат неба» – сборник остросоциальной современной фантастики, в который вошли произведения:

Роман «Белый город» (2009) – притча о поисках смысла жизни, о свободе выбора и извечных претензиях человека на бессмертие. В романе впервые было предсказано будущее нейронета и крионики, а сегодня об этом уже открыто говорят футурологи, в криоцентре Подмоскovie погребены во льду 200 человек, ожидающих бессмертия... Роман стал романом года на Проза.ру, разошёлся по библиотекам рунета, с 2009-го года получил более сотни читательских отзывов и рекомендаций критиков, включён в подборку «Литература России 1991—2014» на ЛИВЛИБ.

Рассказы «Безбрежные дни» (Серебряное Перо Руси – 2014) и «Квадрат неба».

Об авторе:

Пальшина Маргарита Николаевна – сценарист, поэт, член Международной гильдии писателей (МГП), Российского Союза Писателей (РСП), лауреат международного поэтического конкурса «Золотая строфа», Всероссийского конкурса «КИНО-Хит», Международного конкурса Национальная литературная премия «Золотое перо Руси», Международного конкурса «Русский STIL».

Белый город

Посвящается всем, кто живёт иллюзией

Часть 1.

Солнце в мыслях

– Можно присесть за ваш столик? Иногда возникает непреодолимое желание с кем-то поговорить...

Быть удачливым не значит быть счастливым. Вы не согласны? Что ж, вероятно, вы слишком молоды. Молодость никогда и ни с чем не соглашается, только противоречит и противостоит, иначе не была бы собой.

Когда-то давно, ещё в детстве, он дал себе слово: не проиграть. Это стало для него смыслом жизни и единственным оправданием. Он словно боролся за то, чтобы мир сдался и протрубил ему гимн во славу победителя. Но победителей в этой схватке не бывает. Бывают люди без воспоминаний, потому что в погоне за будущим не нужна память о прошлом; люди без сердца, потому что ради победы способны на всё; люди без жизни, потому что, загоняя своего зверя, нельзя останавливаться и некогда жить. И самое главное в этой погоне то, чего на самом деле нет. Не существует того, за чем все бегут: нельзя победить жизнь. Можно лишь просто жить...

И разубеждайте меня сколько угодно, но честная история о победе любой ценой должна закончиться полным крахом.

Сизый дым чертил под потолком футуристические зигзаги, лепестки мёртвых цветов, покосившиеся иероглифы воспоминаний. В этом погребке всегда слишком шумно и накурено. Невозможно сосредоточиться. Как раньше он мог проводить здесь целые вечера? Ах, ну да, это же её любимый кабак, где она тратила его деньги.

«Где её, кстати, носит?» – подумал Сергей и оглянулся в сторону выхода. Exit – написано над дверями. Exitus – по-латыни «летальный исход».

«Кто угодно на моём месте, – мрачно размышлял он, – пожалуй, убил бы её тем ветреным утром, когда вернулся домой и обнаружил, что постель нагрета и хранит отпечаток чужого тела, по форме ничего общего не имеющего с женским, а по лестнице вниз – звук суетливых шагов сквозь визг дверей лифта. Это же так просто: кладёшь подушку на лицо и слегка придерживаешь до тех пор, пока не опустятся бледно, перестав цепляться за воздух, её загорелые даже зимой руки. Вот только в моих руках – почти весь мир. Не стоит их пачкать».

Она плыла по волнам сигаретного дыма через зал, улыбаясь ему навстречу.

– Привет, милый, что ты мне подаришь на день рождения?

Наивная небрежность вопроса, дежурный поцелуй. Сергею вдруг показалось, что ему продали Ferrari со встроенным нутром ржавой «девятки». Да, корпуса у нас делать умеют, не отличишь.

«Интересно, – подумал он. – А есть ли в этом зале хоть одна женщина, которой не коснулся бы нож пластического хирурга?»

– Не торопись, подарки на сладкое, – усмехнулся в ответ, с наслаждением поглощая омаров.

– Да-а? – капризно протянула она и нахохлилась, как попугайчик. – А у меня уже целый список всего, что можно купить и куда мы могли бы съездить на отдых.

– Список? – Сергей прищурился и прищёлкнул пальцами в воздухе, подзывая официанта. – Кстати, о списках.

– Шампанское? – услужливо склонился тот над их столиком.

– Да, и не забудьте о моей просьбе.

Официант появился со сверкающим серебряным подносом. На подносе – её приговор и бутылка шампанского. Фанфары, аплодисменты. Хотя лучше бы на подносе он принес её маленькую птичью головку с хохолком из белых кудряшек.

– Что это? – удивленно спросила она, разглядывая выписку со счета.

– Подарок, – Сергей издевался над ней с тем же аппетитом, с каким только что поедал омаров. – Это выписка с моего счета за последний месяц. Здесь все расходы, оплаченные тобой по карточке, которую я тебе сделал. Тебе не кажется, что этого более чем достаточно для подарков?

Она непонимающе, но словно уже защищаясь, вскинула на него густо накрашенные ресницы.

– Что скажешь в своё оправдание? – пустил он в ход тяжелую артиллерию. – Что Dunhill стал отливать кастрюльки и сковородки, а Ketroy и Donatto занялись производством одежды для женщин?

По её щекам потекли слёзы.

«Вода, – подумал Сергей. – Даже не дождевая, а так... сток нечистот в канаву».

– Конечно, стриптизёры – они же настоящие мужики с истинно мужским вкусом! На чем попадают, – лениво бросил он, когда её царапающуюся и визжащую выволакивали из зала ресторана.

Шампанское оказалось таким же пресным, как и её слезы. Вкус шампанского способен ощутить влюблённый, но Сергей не смог вспомнить, любил ли он хоть кого-то по-настоящему в круговерти минувших дней... чтоб до боли в кончиках пальцев от одного прикосновения. Была у него эта женщина. Была. А теперь нет её. Даже по имени назвать напоследок не пришлось. Можно сменить сразу на другую: вон, мурчит на сцене, нацелив на него острую коленку, извивается, словно без костей вообще. Огонёк в глазах... холодный, разовая зажигалка – прикурил и выбросил.

Сергей и не заметил, как бутылка обмелела, а шампанское волнами зашумело в голове. Кинул деньги на стол и по волнам сквозь дымовую завесу – к сигнальным огням WC.

– Если вы много выпили, не стоит рисковать и садиться за руль. Помните: ваша жизнь – в ваших руках. Позвоните по телефону 5555555, и прекрасная незнакомка из «Леди такси» быстро и с комфортом доставит вас домой! – раздался мягкий голос из сливного бачка, как только он дернул ручку.

Сергей поводит рукой вдоль сенсорной лампочки: безрезультатно, объявление пошло проигрываться с начала.

– Ты думаешь, что заткнёшься, только когда я выйду отсюда? – и он намотал ремень на руку увесистой пряжкой поверх костяшек пальцев. – Нет, дорогая, ошибаешься, здесь я решаю, куда и в каком состоянии мне ехать.

Расколотив механическую коробку за унитазом, он ненадолго спас тишину. Но тут же хлопнула дверь соседней кабинки, и тот же голос начал жизнерадостно уговаривать на «Леди такси» другого несчастного.

Выйти бы в снег, в тишину! И чтоб костёр в зимнем лесу, как в детстве.

«Если долго смотреть на огонь, то внутри пламени увидишь Белый город», – вспомнилась легенда, неизвестно кем и когда рассказанная им с сестрёнкой, но в которую они сразу, безоговорочно и безоглядно – на всю жизнь поверили. Вспомнились костры в лесу на окраине

маленького городка на Волге. Они, как замороженные, смотрели на искры в надежде увидеть Белый город их будущего. И звёзды можно было ловить пригоршнями – таким низким и огромным казалось небо. В детстве всё кажется бездонным, безбрежным, бесконечным. А потом ты взрослеешь, возвращаешься домой и замечаешь, что двор, пересечь который в детстве было сродни военному походу в Индию Александра Македонского, теперь настолько мал, что негде припарковать машину.

Москва Сергею поначалу тоже казалась Белым городом. Он приехал в столицу зимой, в самый снегопад. Белые мосты, дороги, дома... белые мечты о карьере «белых воротничков». И он полюбил зиму. Можно сказать, жил от зимы до зимы, монотонно убивая лето в кондиционированном офисе, с каждым годом становившемся на этаж ближе к небу.

«Прекрати это, – одернул он себя. – Психологи твердят, что большинство людей ломается как раз в шаге от победы. Мне и остался один шаг. А на душе так тошно, потому что весна уже полиняла в лето и запахла не свежестью фонтанов и парков, а спертым воздухом застеклопакеченных от жары капсул».

Он не торопился повернуть ключ зажигания. Посидеть в машине, покурить, посмотреть на звёзды... неоновой рекламы на крышах. На сколько километров нужно отъехать от Москвы, чтобы увидеть хотя бы небо над головой? Ничего, скоро у него будет персональное небо – за окнами углового кабинета.

– Серёженька, забрал бы ты Наташку к себе, – опять мама в трубке пытается сплавить ему сестрёнку. – Она же, как и ты, экономический факультет окончила с красным дипломом, а здесь работы нет и не будет, сам знаешь, сам сбежал в столицу.

– Мам, не переживай. Работы не найдёт – замуж выйдет, подарит вам внуков, – отмахнулся от неё Сергей: мама, как всегда, звонила не вовремя.

– Да какое там замуж... За кого? За этого бездельника Руслана? Знаешь, чем они тут занимаются? Песни в парке поют!

– Какие песни? – удивился Сергей, прижимая трубку к уху (будучи за рулём, он обычно клал её на «торпеду», лишь изредка поднимая послушать, не молчит ли мама, и сказать короткое и значимое «да» или «нет»).

– Группу свою создали, Руслан музыку пишет, Наташа – стихи. И поют с утра до вечера. Если б их слушал кто... А так – впустую. И в парк-то этот старый всё равно никто не ходит.

Сергей впервые за день вдруг повеселел без причины.

– Да, сестрёнка не меняется. А звёзды считает еще?

– Лучше бы деньги считала, – проворчала мама. – Возьми её к себе в контору помощницей. Ей взрослеть пора. Руслана своего, наконец, забудет, замуж выйдет за нормального парня, обеспеченного.

– А вы там как? Совсем же одни останетесь.

– Да и так одни. Думаешь, она дома часто появляется? Всё с ним, проклятым, навязался на нашу голову. Лучше одной остаться, да знать, что дочь счастлива, чем так.

Сергей задумался о том, как откроет дверь в пустую квартиру. Конечно, сначала выставит на лестничную клетку шмотки попугайчика, но потом войти всё же придётся. Что лучше телевизионная жвачка и замороженная пицца или искусственный свет ночи, проведённой в офисе? Наташка сейчас была бы так кстати! Родной человек...

– Алло, Серёженька, ты слышишь меня? Приедешь за ней когда?

– Сделку одну закончу и приеду.

– Опять как снег на голову? Хоть позвони.

– Да некогда мне, когда приеду – тогда приеду. Домой же можно и без приглашения. Или уже нельзя?

– Что ты, сынок, приезжай, как сможешь. Ждём тебя, целуем. От Наташки привет.

– И ей.

Сергей мысленно подошёл к парапету на набережной, остановился и заглянул вглубь реки – туда, где солнце, сталкиваясь с волной, рассыпалось на тысячу маленьких звёздочек. Лёгкий ветерок и тишина. Только всплеск нетерпеливой речной воды навстречу белому теплоходу. А он бежит себе по волнам – мимо, мимо...

Резкий автомобильный гудок позади заставил открыть глаза: свет с красного переключился на зелёный. Он нехотя тронулся с места и полетел по опустевшему ночному проспекту, а за окнами запоздалые прохожие спешили по домам – мимо, мимо...

– Говорят, на краю земли звёзды срываются в океан. У причала белые корабли... Опять попса получается, да? – взволнованно спросила Наташа, не отпуская взглядом белоснежный круизный лайнер, парящий мимо них, словно призрак.

– Попса – это всего лишь значит популярная музыка, которая нравится и понятна многим, – пожал плечами Руслан. – Не всем же Вивальди слушать и о вечности мечтать, кто-то хочет жить и радоваться здесь и сейчас. Что в этом плохого?

– Не знаю, – вздохнула Наташа и вдруг резко повернулась к нему. – Помнишь, ты хотел на радиостанцию отправить наше демо. Ты действительно веришь, что нас будут слушать?

– Верить нужно в самое несбыточное, невозможное, неосуществимое. Тогда само ожидание мечты превратит жизнь в сказку. Ожидание лучше праздника, верно? – попытался пошутить Руслан и обнял Наташу.

– Ты всё шутишь! А я серьёзно, – вырвалась она.

– А если серьёзно, то да, посылал я на радиостанцию и демо, и ещё два пустых диска под другими названиями. Потом перезвонил узнать, понравилась ли наша музыка. Они вежливо ответили, что песни неплохие, но не их формат. Потом чуть позже то же самое сказали о пустых. Не нужен им никто, они даже материал не прослушивают.

Солнце в реке рассыпалось на тысячи маленьких звёздочек.

«Словно осколки мечты», – подумал Руслан, и они, не сговариваясь, зашагали вдаль по набережной.

– Неужели ты не хочешь ничего добиться? – не отставала Наташа. – Всю жизнь собираешься дворником работать? Мог бы поехать учиться в консерваторию, ты же играешь не только на гитаре, но и на рояле.

– Не нравится мне рояль. Слишком он старомоден. Чёрный гроб для консерваторов. Гитара – другое дело, лучший спутник в дороге, потому как легка на подъём. И вообще, кто сказал, что нужно обязательно кем-то стать? Моя музыка радует тебя и наших друзей, и я счастлив. И потом, если я займусь чем-нибудь серьёзным, у меня не останется времени на тебя и на нашу музыку. А так и людям хорошо – двор чистый, и я весь день свободен.

В сторону причала мимо них проследовал ещё один призрак.

– Вот так всегда, мимо-мимо! – не выдержала Наташа, ревниво провожая теплоход взглядом. – Не хочу проторчать здесь всю жизнь, здесь же вообще НИ-ЧЕ-ГО не происходит, скучно! Я мечтаю хоть раз подняться на палубу этого белоснежного красавца и отправиться в путешествие! А ещё я очень часто поднимаюсь по ступенькам на сцену и получаю какую-нибудь музыкальную премию... Голос года, например. Море цветов! И я знаю, что это только начало и впереди столько всего захватывающего! Иногда так хочется жить, что начинаешь верить в то, что стоишь на сцене прямо сейчас. Так порой замечтаешься, что голова кругом!

– Только хочешь ты стать звездой, что срывается в океан! – процитировал Руслан её стихотворение.

– Да, а что в этом плохого? – подыграла ему Наташа.

- Тогда именно в этой строке нужно поцеловаться, – рассмеялся Руслан.
- Почему это?
- Потому что романтично!

На причале, словно подслушав их разговоры, мечтательно запела труба. В маленьком городке на Волге столичных гостей встречали с оркестром.

– Потребители – как тараканы. Травим их, травим, а через некоторое время они приобретают иммунитет и становятся совершенно невосприимчивыми к нашим средствам, – задумчиво произнёс председатель Совета директоров, глядя на мелькающие на экране слайды с описанием и медиа-показателями реализованных компанией рекламных проектов.

У председателя был вид уставшего от жизни человека. Он давно уже питался капустными салатами вперемешку с пресной кашей и пил чай без лимона из-за открывшейся язвы желудка. И охотно бросил бы всё к чёрту, если бы не юная любовница, ради которой оставил увядшую раньше срока жену с двумя сыновьями, а также квартирой, машиной, дачей ...на руках в надежде начать всё с нуля; если бы не привык не сдаваться; если бы не подкрашивал волосы, скрывая седину во имя вечной молодости, пропаганду коей сам же и начал лет двадцать назад. В общем, если кто-то мечтает стать удавом, на которого с придыханием смотрят кролики, причём все без исключения, лучшим способом будет упереться в стену, самым же воздвигнутую с недюжинным рвением и уменьем. Сильными мира сего становятся те, кому некуда отступить, а большинство победителей – как раз проигравшие. Схватку с самим собой.

– Есть у нас хотя бы один блестящий проект за прошлый год? Прорыв? – обратился он к присутствующим в зале переговоров.

Кролики замерли. Сергей, стоящий в тени проектора, чуть наклонился вперёд, как против ветра. Нужно выждать, выдержать паузу. Воспользоваться моментом и сменить диски с презентациями.

– Есть! И не один! После продакт плейсмента в сериале «Модели» большинство женщин считает наш йогурт средством для похудения. А собаки? Мы даже медиа-льва¹ за него получили, – невозмутимо отозвалась начальница Сергея.

В возрасте чуть за тридцать она уже походила на кролика в состоянии линьки с пуха на змеиную кожу, посему из солидарности к председателю незаметно вынула лимон из чашки с чаем и прикрыла тревогу в глазах непроницаемой вуалью успешности.

– Сергей совершенно разучился презентовать. Слишком торопится, – прошипела она, оглядываясь на силуэт в тени проектора.

– Собаки? – устало переспросил председатель, тщетно пытаясь вспомнить о каком проекте идёт речь.

– Да, собаки, – лучезарно улыбнулась она. – В течение года в столице были расклеены плакаты, пропитанные запахом новых собачьих консервов, во всевозможных местах, где собаки могли его учуять и подтащить к плакату хозяев. В результате продажи кормов взлетели на пятнадцать процентов!

– Вот именно, только собаки и дети не могут сопротивляться. Взрослые люди уже научились игнорировать нас. Но ни дети, ни собаки решение о покупке не принимают. Кошелеков у них нет, – возразил председатель.

– Да, но могут повлиять на тех, у кого есть, – не сдавалась она.

– Хорошо, в данном случае я согласен с вашей стратегией, но девяносто процентов портфеля заказов агентства составляют бренды со взрослой целевой аудиторией, как быть с ними?

¹ «Каннские Медиа-Львы» – международный фестиваль рекламы и медиа.

Дело не в стратегии, а в перенасыщенности рынка в целом, медиа-пространство переполнено. В результате поведение потребителя становится непредсказуемым, а клиенты снимают бюджеты с рекламных кампаний. Рисковать не хочет никто. Если дело так и дальше пойдёт, мы не то что в тройку лидеров рекламного бизнеса не попадём, но и вообще лишимся крупных клиентов и попросту разоримся.

– Мы и так делаем, что можем, – захрипел креативный директор (для него, как и для большинства креативщиков, сигарета была способом думать, поэтому он прикуривал одну от другой, и пепельницы у него стояли повсюду, даже на прикроватном столике, что не могло не сказаться на голосе). – Обходим законы, лепим рекламу там, где нельзя. Выслеживаем, охотимся, ловим, боремся за каждый потребительский взгляд. По всем телеканалам, во всех кинотеатрах, книгах... – везде наши клиенты. Даже урны и те покрасили...

– А толку? – раздражённо перебил его председатель. – Все мы спотыкаемся об урну, куда наш клиент советует выбрасывать растворимый кофе, выбрасывать-то выбрасываем, но что кто-то из нас побежал купить его натуральный? Даже название сейчас не вспомните. Нужен принципиально новый подход, новые носители, менее насыщенные рекламой. Мы должны на корпус опережать конкурентов, чтоб не плестись позади всех!

Сергей с наслаждением вдыхал аромат надвигающейся грозы. Ещё немного и тяжёлые капли дождя возвестят о начале новой эры. Он чувствовал себя садовником, в течение долгих лет мучительно выводившем неизвестный науке вид фантастических цветов, и вот сейчас они наконец прорастут.

– Ищите! – гремел председатель. – Вы все здесь – гении! И платят вам за гениальность, а не за банальную нестандартность идеи.

– У меня есть решение, – вышел из тени Сергей. – Я считаю, нужно работать не с узнаваемостью марки, а с лояльностью к ней потребителя. Нужен пустой носитель. Полная свобода и отсутствие конкуренции.

– Да? Сергей, вы в сказки верите? – рассмеялся председатель, и по переговорной пронеслась волна всеобщего облегчения. Если удав шутит, кролики выживут.

Коллеги зашевелились, зашептали, задвигали стульями, кто-то даже сумел улыбнуться шутке. Но расслабляться было слишком рано. На экране проектора возникла надпись: *«Реклама во сне. Технология, основанная на видео-гипнозе через сеть Интернет».*

– Новый рекламный носитель? – в замешательстве спросил председатель.

– Что-то я не припоминаю, чтобы эта презентация вносилась в повестку дня, – презрительно скривила губы начальница.

– Новая эра в рекламном бизнесе! – ринулся в бой Сергей. – Люди стали свободные, умные, образованные. Теперь их не заманишь красивой картинкой, не продашь мечту. Реклама настигает нас везде: в любимом фильме, на отдыхе, в дороге, в офисе. Мы уже научились её игнорировать. Поэтому пришло время для совершенно нового подхода. Единственное место, куда ещё не проник рекламодавец, – наши сны! А теперь обо всём по порядку. Технология разработана, протестирована на добровольцах и запатентована мной. В основе её лежит система, основанная на методах техногенного гипноза и теориях анализа бессознательного.

– Но это невозможно!

– Как это работает?

Вразнобой зазвучали реплики из зала.

– Человек подключается к сети и просматривает видео с рекламой и специальным гипнотическим кодом внутри, который загружает в сознание только что просмотренный ролик. После этого вместо снов он видит рекламу. Как всем известно из опыта психоанализа, человеческое сознание во сне избавляется от комплексов и барьеров, навязанных обществом. Материал подсознания во многом определяет наше повседневное поведение, это наши инстинкты.

Поэтому проще всего воздействовать на человека во время сна, когда все его жизненные установки отрицания, игнорирования, запрета отключены.

Выдержав паузу, Сергей щёлкнул кнопкой, и на экране появился спящий человек с блаженной улыбкой. Та же улыбка блуждала по его лицу, когда он подходил к полке с продуктами в магазине. Затем последовали короткие видеофайлы непосредственно о самом эксперименте, а также интервью с участниками проекта.

– Рекламные сны дают человеку ощущение счастья, – снова заговорил Сергей в наступившей тишине. – Это заложено в видео-код. Поэтому, просыпаясь, он всеми силами стремится вернуть свой счастливый сон, который напрямую связывает с тем или иным продуктом. Бренд становится для него близким, дорогим... Солнцем в мыслях!

– А как быть с теми, кто не запоминает свои сны? – спросил менеджер из команды новичков, переманенных у конкурирующего агентства. Он был принят на работу недели две назад, и потому ещё не утратил смелости задавать вопросы. Остальные же, включая начальницу, на время лишились дара речи.

– По технологии гипноза рекламные сны будут запоминаться гарантированно. А теперь – несколько цифр: по данным опытов все тестируемые с первого взгляда узнавали упаковку продукта лишь по цвету или какой-либо её части, все тестируемые сразу же называли слоган продукта, когда слышали название.

– Что скажете, коллеги? – хитро прищурился председатель.

Заговорили все и сразу:

– Да, впечатляет!

– Какой ужас!

– Это прорыв!

– Я не просил шуметь, просил высказаться, – постучал ручкой по столу председатель, призывая всех к порядку.

На сей раз все затихли, выискивая ответы на дне чашек с остывшим чаем. Сергей терпеливо ждал.

– Но простите, Сергей, – откашлялся креативщик и медленно, словно обдумывая каждую букву, задал риторический вопрос. – Кто позволит вам вторгнуться в самое святое, что у нас есть, – в наш разум, в наши сны? Мы же не зомби!

«Все будет Соса Сола», – пропел в ответ чей-то мобильник, вызвав невольную улыбку присутствующих.

– А теперь посмотрите на экраны ваших мобильных телефонов, – усмехнулся Сергей. – Вы все жертвуете фотографиями ваших близких, любимыми мелодиями в пользу просмотра рекламных роликов во время КАЖ-ДО-ГО входящего звонка. На сколько звонков вы отвечаете в день: на сто, двести, тысячу? И всякий раз видите рекламу! Вы привыкли к ней, как привыкают к лицам любимых или родственников. Потому что именно они, рекламодатели, оплачивают ровно половину ваших расходов на мобильную связь. Почему бы не пожертвовать частью своих снов ради оплаты или частичной оплаты, например, кредита за машину, коммунальных услуг и так далее?

– Но мобильный телефон в качестве рекламного носителя – это личная вещь, а вы говорите о живых людях. Неэтично, – возразил председатель.

– Оглянитесь вокруг: наша реальность напичкана рекламными сообщениями. Мы видим их каждую минуту нашего существования, мы совершенно спокойно пустили бренды к себе в дом, за стол, в постель. Они давно проникли на нашу личную территорию. Осталось сделать последний шаг: открыть им свои мысли, – Сергей широкими шагами пересек зал и остановился прямо перед председателем, уверенно, жёстко. – В любом случае, если это не использует наша компания, я как владелец патента имею законное право продать технологию нашим же конкурентам. И, поверьте, они не будут сомневаться, этично ли это!

В наступившей тишине все ожидали ответа председателя, как ждут благословения с небес. Председатель потёр божественный лоб, решение действительно будет трудным.

– Хорошо, но каким образом это будет осуществляться на практике? Каково будет распределение бюджета? – спросил он.

«А дождь всё-таки пошёл, – внутренне ликовал Сергей. – Теперь не упустить бы удачу».

– Потребитель хочет покрыть определенную долю расходов, он вводит сумму и наименования расходов в своем профайле (анкете) на web-сайте проекта. Исходя из этой цифры и заполненной анкеты, компьютер автоматически определяет, сколько и какой рекламы ему необходимо загрузить в свои сны. После того, как его персональный план составлен, потребитель подтверждает своё участие в проекте и переходит к сеансу видео-гипноза. В рекламный бюджет закладываются расходы потребителей плюс наша прибыль плюс затраты на раскрутку интернет-ресурса. Стандартные прайс-листы могут быть разработаны по результатам исследований первых анкет с web-сайта проекта. Естественно, мы будем вводить возрастные ограничения на рекламу алкоголя, табака и других вредных для здоровья товаров.

Уверенность в близкой победе сделала его выше ростом. Теперь Сергей сам чувствовал себя удавом, на которого с придыханием смотрят кролики, более того, он даже знал, кого из них первым проглотит на завтрак.

– А с точки зрения законодательства не нарушаем?

В голосе председателя уже звучал ответ «да», но многолетний опыт ведения бизнеса диктовал предварительно изучить все детали.

– Если потребитель дает нам согласие на просмотр рекламы, – а он его дает, если хочет, чтобы мы покрыли его расходы, – то мы вправе рекламировать ему всё что угодно. Халяву, как известно, любят все, – широко улыбнувшись и расправив плечи, Сергей положил перед председателем довольно внушительную папку с документами. – Вот здесь необходимые документы по проекту, патентное свидетельство и бизнес-план на год.

Председатель бережно взял в руки папку, его взгляд лучился отеческой теплотой и плохо скрываемой гордостью за приёмного сына, выращенного в родных стенах корпорации. Начальница Сергея судорожно сжала в руках чашку, не смея поставить её обратно на блюдце. Она не могла не услышать гонг опасности.

– Хорошо! Назовите вашу цену за то, чтобы отныне технология принадлежала корпорации.

– Место в Совете директоров, карт-бланш на формирование команды под данный проект, пятнадцать процентов с каждой сделки... И личный угловой кабинет на последнем этаже здания.

На звон разбившейся вдребезги об пол чашки (начальница Сергея всё-таки выронила её из рук) никто не обратил внимания, все были поглощены рождением нового божества корпорации в частности и перестановкой на пантеоне богов в целом.

– Вы – честолюбивы, но в бизнесе это необходимо, – поощрительно улыбнулся председатель. – Если метод, о котором вы только что рассказали, действительно будет работать, то вы заслуживаете того, что просите. Но для начала нам придётся тщательно изучить все представленные вами документы, проконсультироваться со специалистами и ещё раз всё обсудить на закрытом Совете директоров, членами высшей лиги. В общем, сегодня у нас среда... – он оглянулся на календарь на стене, – решение будет в понедельник. На этом предлагаю собрание считать закрытым.

Из переговорной Сергей выходил один, позади всех. Отныне больше никто из них не осмелится заговорить с ним первым, тем более панибратски хлопнуть по плечу. Победу празднуют в одиночестве.

Он прогулялся по длинным коридорам последнего этажа с высокими потолками и окнами. Впервые за много лет взгляд отрешённо бродил по крышам близлежащих домов,

улицам, проспектам. С высоты здания город казался почти игрушечным. Крыши домов пестрили рекламными установками, тротуары прятались за рекламными щитами, казалось, кто-то опустил яркие разноцветные жалюзи.

«Как выглядел бы город без рекламы? Наверное, как и земля без теней», – задумался Сергей, изучая панораму проспектов.

Здесь должно быть что-то лирическое, но я ничего не помню. Акварельный набросок юности, дождями времени размытый настолько, что трудно угадать, что именно на нём когда-то хотел изобразить художник. Сплошная абстракция. И лишь по-прежнему сквозь прозрачные слои краски просвечивает белый лист неизвестности, перед которым каждый из нас испытывает почти животный страх и так стремится заштриховать, раскрасить его в цвета надежды и определённости. Я накладываю слой за слоем, но картинка не становится ярче, напротив, ей недостаёт солнечного света и лёгкости, я пытаюсь исправить положение, пока не дохожу в своём рвении до урезанной палитры. Чем больше цветов ты смешиваешь, тем быстрее рухнешь в серо-бурые будни. Но в акварели не бывает белого цвета, и значит, уже никуда не вернуться и ничего не вернуть. Ветер, запертый в комнате, утрачивает способность летать. Из воздуха, запертого в комнате, уходит кислород. Я задыхаюсь и... открываю окна. Счастье всегда зыбко, призрачно, неуловимо, неосознанно и неосознано, в противном случае это слово означало бы совсем иное.

Светало. Незнакомец брёл им навстречу по набережной, низко опустив голову и поёживаясь от утреннего холода и одиночества.

– Какой-то он неприкаянный, – пожалела его Наташа.

– Эй! А когда вы в последний раз видели небо? – окликнул прохожего Руслан.

Незнакомец попытался обойти шумную компанию молодёжи, но они спрыгнули с парапета, преградив ему путь.

– Небо лучше ботинок, – пошутил барабанщик Гриша.

Незнакомец медленно поднял голову, точно это стоило ему невероятных усилий, и столкнулся взглядом с Наташей. Она улыбалась так светло, лучисто, и прозрачное утреннее небо обнимало её за плечи. Казалось, она вот-вот улетит.

– Давно не видел такого, – усмехнулся прохожий. – Праздник у вас?

– Да, празднуем десятого поклонника нашей группы, – весело засмеялась Наташа.

– Правда, вы опоздали, шампанское у нас кончилось, – не к месту вставил Руслан, закинув за плечи гитару.

– Так это вы в парке поёте? Я проходил мимо, мне понравилось, – незнакомец остановил взгляд на пустой бутылке. – Знаете, я здесь недалеко живу. Могу подарить вам своё. Шампанское всё равно не пьют в одиночку.

Возможно, и он тоже когда-то отмечал каждый рассвет бокалом шампанского. Лёгкий напиток призрачной юности. Вряд ли кто-то способен вспомнить чёткие очертания рассвета минувших дней, вспоминается лишь этот напиток. Настоящего времени у юности нет, существует лишь неизбывная тоска по будущему. Мечта. Неутолённая жажда событий. Юность – это не возраст, а время вне времени. Когда кажется, что ещё не живёшь, а настоящая жизнь начнётся, как только поднимешься по ступенькам на сцену или зашагаешь по красной дорожке. Юность – это состояние ожидания перемен за каждым поворотом, и заканчивается она не по паспорту, а когда очередной поворот вдруг ясно и безжалостно откроет вид совершенно ровного поля с его неумолимой определённой – прямой путь в никуда. Когда ты вдруг ясно и ярко осознаешь, что вчерашний поворот был последним. Но пока человек живёт ожиданием,

он не стареет. Стареть он начнёт, как только почувствует время и пожалеет о его быстротечности.

Ребята так и не узнали, ждал ли ещё чего незнакомец или в его жизни уже пробил полдень с короткими тенями и резкими очертаниями, и солнце, не успев взойти, начало клониться к закату. Им было не до него, они пили шампанское на набережной маленького городка на берегу Волги и ждали полудня, а затем вечера, чтобы отправиться в парк играть очередной концерт, быть может, уже не для десяти, а для одиннадцати зрителей.

Порой в нашей жизни бывают встречи, похожие на пророческие сны, в точности воссоздающие образ будущего. Но мы забываем и то, и другое.

Воспоминания же Сергея за семь лет жизни в столице можно было разложить по ящикам письменного стола в маленьком тесном кабинете. Накануне переезда он неторопливо разбирал деловые бумаги: договора, счета, отчёты по своим проектам. За сухими строчками и цифрами чередой шли лица, лица, лица... от которых когда-то зависела его судьба.

...Переговорная. Идёт оживлённое обсуждение новой рекламной кампании клиента.

– А почему, собственно, менеджеры обслуживающего нас агентства СИДЯТ в НАШЕМ присутствии? – взвизгивает посередине фразы представитель клиента.

Все рекламисты вскакивают со своих мест навтыжку, как школьники, которых неожиданно вызвали к доске. Клиент для них – Царь и Бог, и если он сейчас скажет «спляшите!» – спляшут, «встаньте на голову!» – встанут, «разденьтесь!» – разденутся. Беспрекословное послушание на грани лизоблюдства неизбежно, иначе клиент, как распутная, капризная и пресыщенная любовница уйдёт к другому...

...Метель, воет ветер за окнами, три часа ночи. Телефонный звонок звучит, как взрыв.

– Быстро собирайся! Нужно заехать в офис, забрать пакет с наличными и отвезти его за город. Ресторан ты знаешь, у поворота на Рублёвское шоссе. Иначе завтра она отменит съёмки ролика, а мы и без того горим по срокам!

– Но как я поеду? Три часа ночи! У меня и машины своей нет.

– Ты хочешь, чтобы я занималась такой мелочевкой? Это твои проблемы, думай! Отвезешь – не звони мне, пошли смс, я хочу выспаться.

Выложив двухнедельную стоимость своих обедов и ужинов таксисту, он входит в ресторан. Актриса – пьяна, сидит одна за столиком, уронив голову на руки.

– А... это ты? Неужели с деньгами?

– Дайте мне расписку, иначе моё руководство решит, что я присвоил себе эти деньги.

– Какая расписка, мальчик? Ты знаешь, кто я? Иди себе.

Домой он бредёт пешком по длинной заснеженной дороге. Если бы таксист знал, СКОЛЬКО он вёз в пакете среди ночи, то, вероятно, обратной дороги вообще бы не было...

...Следующий контракт вполз под рубашку, словно змея, рукой стареющей поп-звезды.

– Ну и где вы видите морщины? И никакой пластики! Это потому, что я пользуюсь лучшей косметикой и вам советую! – вылетает вульгарная фраза из её уст далеко не первой свежести.

– Всё ещё хочешь продать душу? Она ничего просто так делать не будет, даже если у вас с ней договор.

– Я сделаю всё, чтоб эти кадры не вырезали! Это мой первый самостоятельный проект...

Шредер давился и заклёбывался, пережёвывая и уничтожая бумаги, стирая Сергею память. Всё. Остался последний ящик. Пластиковая папка с патентным свидетельством на технологию рекламы во сне. Он знал, что наступит день, и эта тоненькая бумажка уничтожит их всех, и работал-работал-работал без усталости, стараясь сберечь каждую каплю пота и ненависти.

Он выдвинул ящик подальше, чтоб уж точно ничего не забыть. У задней стенки ящика улыбалась жёлтая солнечная лошадка Пруха. Игрушка-талисман. Наташка подарила ему её на первом курсе университета...

... – Максимум три цифры – остальное держи в голове! Наши клиенты – занятые люди, никто не будет читать твою муть!

– Но моя идея? Её же утвердили!

– Вот, что ждёт твою идею! – Пруха летит в мусорную корзину под столом. – И чтоб никаких игрушек! Как в детском саду!

– Мой талисман! Я с ней все экзамены сдавал на отлично...

– Убери в нижний ящик и при начальнице не доставай никогда! А вообще, если хочешь, чтоб она тебя не унижала, постарайся не давать ни малейшего повода, а то вылетишь на улицу, и никто о тебе не вспомнит, – посоветовал старший коллега.

– Не давать повода? Да она ко всему цепляется, думать не даёт спокойно!

– А ты представь себя ею, думай, как она, предугадывай её желания, даже самые бессмысленные и непредсказуемые. Сам не заметишь, как пойдёшь в гору.

Ничего себе советы! И эта её фраза – как заноза в мозгу: «Я хочу, чтобы ты КАЖ-ДУ-Ю СЕ-КУН-ДУ помнил, какой чести ты удостоился, работая на нашу компанию». Сука!

Дверь в её бывший кабинет он открыл ногой. Она тоже собирала вещи.

– Рада, что не оказался непроходимым тупицей. Но зачем тебе мой кабинет? У тебя же теперь своё подразделение, своя команда, – попыталась она улыбнуться, пряча чуть дрожащие пальцы в картонной коробке с вещами.

– Должок вернуть, – и Сергей поставил Пруху на стол перед её носом. – Я сделаю всё возможное, чтобы тебя не только из кабинета, но и из компании вышвырнули!

– Это тебе никогда не удастся! – улыбка полиняла в жалкую гримасу. Она как-то очень уж суетливо подхватила коробку с вещами, намереваясь покинуть кабинет.

– Реклама во сне – теперь нью-бизнес, куда потекут все инвестиции компании. А ваш так называемый нестандарт с урнами кофе, мобильниками, стареющими певицами, с которыми нужно спать, чтоб они произнесли оду баночке косметики, актрисами неизвестно чего, которым нужно везти запредельную сумму денег за то же самое в три часа ночи за город, чтобы потом миллионы дур купили нашу дрянь, и всю прочую дребедень прировняли к неприоритетным медиа. Удачи в бою! – рявкнул ей вслед Сергей и хлопнул дверью чуть ли не по её пяткам.

Потом медленно прошёлся по кабинету и упал в кожаное кресло, закинув ноги на стол, как в плохом голливудском кино о небожителях Манхэттена. Персональное небо глянуло на него в высокие окна и нахмурилось.

– Ну и чёрт с тобой, – отвернулся от него Сергей и закурил, наполняя отвоёванный кабинет собственными маленькими облачками.

А почему он так злится? В сущности, они с ней друг друга стоят. Он и сам не лучшим образом относится к официантам, секретаршам и другому обслуживающему персоналу. Взаимная ненависть делает людей похожими. Объединяет. Люди не утруждаются изучить привычки и пристрастия любимых и любящих их, но тщательнейшим образом присматриваются к врагам. Ни один вздох не пропустит настороженное ухо, ни одна искорка эмоций не ускользнёт от напряженного взгляда. Ты знаешь о своих врагах абсолютно всё: марку их духов, с кем они спят, какой пастой чистят зубы, какие сны смотрят по ночам... Любовники позавидуют такой близости! Чтобы победить врага, нужно мыслить, как он, заполучить в руки его же оружие. Именно это сближает. Победа горчила. Уж, не она ли, эта сука, учила его, что побеждает умнейший? Не она ли учила искать выход из безвыходных ситуаций? Что ж, значит, он пошёл дальше. Ученики всегда на голову перерастают своих учителей. Горький привкус вынудил затушить сигару. Странное чувство (не утраты ли?) человека, у которого наконец-то всё

сбылось. А как вообще живётся после мечты? Неужели все эти годы он жил только ненавистью и желанием подняться вверх? Неужели ничего больше не было?

По столу запрыгал мобильный телефон. Игорь.

– Говорят, ты стал властелином мира? Поздравляю! – засмеялся он в трубку.

– Да, с сегодняшнего дня у меня новый статус в компании, – бодро отозвался Сергей. – Всё получилось, победа! Я тебе очень благодарен за помощь с помещением и добровольцами для экспериментов. Скоро деньги потекут рекой, и, поверь, я в долгу не останусь.

– Знаю! Я всегда в тебя верил. С добровольцами было легко: народ толпами валит на кастинги в теле-шоу, не проходят и готовы на всё, лишь бы не возвращаться в свой мухосранск. Ну, давай, до скорого! Удачи тебе на новом посту! Звони.

Игорь – вот то стоящее, что было в его жизни. Дружба, крепкая мужская дружба. Познакомились они на съёмках пресловутой оды баночке косметики в первый год жизни Сергея в Москве, и это Игорь отговаривал его от посещения гримерки престарелой нимфоманки (в то время он был её продюсером, потом с лёгкостью бросил). Это он впоследствии, не задавая лишних вопросов, профинансировал его исследования, одолжил свою студию под опыты и эксперименты. Игорь был известной фигурой в светской тусовке, раскрутил немало артистов, вывел на арену шоу-бизнеса множество медийных лиц. Продюсировал всё, что приносит деньги: от мыльных опер и реалити-шоу до пошлых песенок поп-звёзд и нестандартных рекламных проектов. Игорь обладал талантом вести за собой людей, внушать им новые взгляды, рождал новые идеи, переворачивающие мир, находить деньги на заведомо провальные проекты и штамповать из них бестселлеры, блокбастеры, хиты. Дар, притягивающий к нему людей, – необыкновенная везучесть. Нюх. Как только он чувствовал, что проект не задался, он тут же разворачивался на 180 градусов и нёсся во весь опор в обратную сторону, искреннее удивляясь, почему его последователи продолжают тонуть, нянчась с собственным бизнесом, как с ребёнком. Главное, что он сам был непотопляемым. Словом, продюсером невозможно стать, им нужно родиться.

Немалая доля этой пресловутой непотопляемости передалась и Сергею. Возможно, поэтому он и взялся за разработку столь фантастической идеи, которая в итоге положила мир (если не весь, то мир его корпорации) на обе лопатки.

Impossible is nothing, – вспомнил Сергей вечный слоган компании Адидас.

Да здравствует общество мечты! Никогда больше и ни перед кем он не встанет навзятжку.

Старый парк наслаждался солнечным пленом лета, бесовестно подражая пейзажам Сезанна. Утопал в зелени, оглушительно звенел птичьими голосами и дышал всеми ароматами земли. Парк его детства. Узкая асфальтовая дорожка вела к маленькому заброшенному театру. Сергей решил встретиться с Наташей сразу, как приехал, не заходя домой. Хотел поговорить с ней с глазу на глаз, без мамы. Сквозь трещины в асфальте пробивалась свежая трава. Чуть дальше будет вековой дуб с верёвкой и доской на корявой ветке – самодельные качели.

Он раскачивал маленькую Наташу, а она кричала:

– Выше-выше!

Это, наверно, у них семейное – пробиваться сквозь асфальт к небу. Издали неотчётливо доносилась музыка – лёгкие переборы гитарных струн. Уже близко.

Наткнувшись на протянутый через дорогу шнур, Сергей невольно улыбнулся. В заброшенном театре не было электричества, но рядом работал аттракцион с бегающими по кругу лошадками. Лошадки и поделились электричеством с начинающими музыкантами. Сергей сразу узнал голос сестры.

Неприкаянность цвета синего,
одинокость в лунной комнате.
Прозвенит в тишине голос ближнего —
зацеплюсь за него, как за облако.

Корабли – мои белые птицы —
заржавели в порту от боли.
И теперь даже им не приснится
океанского ветра воля.

Скажешь ты: я сама придумала
этот мир из причудливых линий,
А реальность – проще, уютнее,
в ней никто не рисует синим.

Как бы ни было, если протянутся
километры жизни меж нами,
тишина пусть ночная взрывается
иногда твоими звонками

Сергей осторожно вошёл: на полинявших и покосившихся от времени скамейках сидело несколько зевак. Под конец песни они вяло зааплодировали группе на сцене. Наташа улыбалась в зал, как настоящая актриса, – всем и никому. Тоненькая и гибкая в узкой маечке и обтягивающих джинсах на фоне плечистых патлатых музыкантов. Сергей сразу вспомнил, как гонял их с лестничной площадки, чтоб не курили и не мусорили. В школе у Наташи не было подруг, зато эта стайка полудиких волчат ходила за ней по пятам. Сергей вновь почувствовал, что ревнует.

Обычно столь нежной привязанности между сестрой и братом не получается, но то ли у них с Наташей была слишком велика разница в возрасте – семь лет, и он воспринимал её как своего первого ребенка, то ли они были очень похожи друга на друга, а может, наоборот, слишком разные, но они никогда не ссорились, и в разлуке Сергею всегда её не хватало.

В сестрёнкино самое первое сентября он вызвался вместе с родителями проводить её на школьную линейку. Учительница попросила детей разбиться на пары перед тем, как вести их в класс.

«Это моя девочка!» – резво подскочив к стоящему с Наташей в сторонке Сергею, сказал Руслан – маленький, щуплый мальчишка, на голову ниже Наташи. Он так крепко и уверенно взял её за руку, будто уже никогда не собирался отпускать. Сергей долго смотрел им вслед. Наташа так ни разу и не оглянулась. С тех пор Руслана он невзлюбил. «Что она в нём нашла?» – недоумевала вся их семья, но ребята не расставались.

– Bravo! – крикнул Сергей, демонстративно громко хлопнув в ладоши.

Наташа быстро спрыгнула со сцены и подбежала к нему. Сергей молча обнял сестрёнку.

– Я так скучала по тебе! – запыхавшись от неожиданной радости, заговорила она. – Знаешь, эти стихи я о тебе написала...

– Со стихами придётся завязать, – резко помрачнел Сергей. – Есть дела поважнее. Я за тобой приехал, у нас билет на завтра. Мама должна была тебе сказать.

– Концерт окончен, – объявил со сцены Руслан.

Ребята сложили инструменты, зеваки направились к выходу.

– А почему бы тебе сразу не открыть своё дело? Зачем отдавать технологию корпорации? Это же здорово быть свободным и работать на себя, разве нет? – спросила Наташа, когда они, после долгих рассуждений и споров о будущем, наконец, встали со скамейки в парке и отправились в сторону дома.

И сейчас, ранним утром, нетерпеливо ожидая её в такси у подъезда, Сергей прокручивал в голове её вопрос снова и снова, ощущая нарастающую тревогу и ответственность за сестру. Куда он её тащит? Ей ещё так многому предстоит научиться! Как объяснить двадцатилетней максималистке, что дорога к успеху чревата многочисленными падениями, и чтобы дойти до конца нужно подстраховаться, хотя бы на первых порах? Невозможно открыть своё дело без значительных денежных инвестиций, которыми он не располагал; невозможно взять и увести за ручку из корпорации её постоянных клиентов, без которых его бизнес лопнет, как мыльный пузырь; невозможно уйти, когда столько сил и ненависти расплескал по дороге. Он – победитель, а не аутсайдер! Он и так взял от жизни всё, что смог.

Наташа задерживалась: крутилась перед зеркалом в подаренном им новомодном костюме. Сергей нервничал, поглядывая на часы: до отхода поезда оставалось чуть больше часа. Он два дня не был в офисе, а столько всего предстояло сделать до конца недели! Желая отвлечься, он стал рассматривать двор из окна машины.

Вжих-вжих... вжих-вжих-вжих. Руслан, низко опустив голову, тоскливо подметал тротуар, не отходя далеко от их подъезда. Он тоже ждал Наташу, чтобы попрощаться. Сергей задумчиво наблюдал за его плавными движениями. Возможно, мама права. Что он может ей дать, кроме своих нежных рук? Ничего. Невысокий рост, невесть как подстриженные непослушные вихры, серьга в ухе и мечтательный взгляд. Мальчик Бананан². И всё же его неприязнь к Руслану этим утром разбавило чувство вины: ему не хотелось быть разлучником, не хотелось причинять боль сестре.

Наташа стремительно выбежала из подъезда.

– Подожди, я прощаюсь, – бросила она на ходу в открытое окно такси.

– Только не долго, мы опаздываем!

– Ты сногсшибательно выглядишь, – замялся Руслан.

Неловкое молчание. Разговор глаз.

– Хотя джинсы тебе тоже шли, – и он опёрся на метлу, словно искал в ней поддержки.

Наташа виновато поцеловала его в щёку.

– Мне пора, я напишу, когда устроюсь.

Руслан незаметно оглянулся на ожидающее такси. Сидит. Наблюдает. Цербер. Ему так хотелось сжать её в объятьях, украсть последний поцелуй, снять слепок с её губ, чтобы навсегда оставить на своих его тепло и нежность. Но вместо этого, он просто достал диск из кармана и протянул Наташе.

– Вот, переписал для тебя. Наша музыка...

– Я буду приезжать или ты приедешь ко мне. Я обещаю! Я напишу! – шурясь от подступивших слёз, Наташа резко развернулась на каблучках и поспешила к машине.

Хлопнула дверца, и расстояние между ними неудержимо стало расти. Руслан, облокотившись на метлу, провожал взглядом машину, пока та не въехала в арку, покидая двор. Цвет разлуки был жёлтый с чёрными шашечками.

«Мы – бумажные человечки, – шептал голос в её сне. – Нас кто-то вырезал умелой рукой и забыл на столе у открытого окна. Он не сказал зачем. Дует ветер, и мы падаем на пол.»

² Романтически настроенный герой кинофильма «Асса» С. Соловьёва

А бумажные листья за окном осыпаются с деревьев на землю. Он не помнит о нас. Ветер. Пустота. Мы – всего лишь бумажные человечки».

Наташа открыла глаза. Который час? Стрелки не двигались. По циферблату перемещались их тени, подталкиваемые нервными солнечными бликами из окна.

– Я опять проспала, – извиняющимся голосом в трубку. – Часы встали.

– Я вчера заводил их, – холодно ответил Сергей, и короткие гудки эхом рассердились вместо него.

Первые несколько недель Сергей поднимал её в шесть утра, и к восьми они оба уже были в офисе. Лишь недавно Наташа вытребовала себе право поспать лишних два часа и добираться до работы на метро к десяти, как и все остальные сотрудники. Ей с трудом верилось, что в столице она – больше месяца. Лето давно перевалило за середину, а она так ничего и не видела толком: сначала улицы, плавно летевшие в полудрёме за окнами автомобиля, затем толчея, шум и гул подземелья в метро. Ни музеев, ни парков, ни Красной площади или Старого Арбата. Только белый офис на последнем этаже здания. Сергей работал, как заведённый, виделись они редко. Точнее круглосуточно, но либо во сне, либо сквозь стеклянную дверь, без живого общения. Сергей перестроил свой кабинет, поставил стеклянную перегородку и выделил место Наташе – своему ассистенту. В этом отведённом ей закутке у двери она чувствовала себя, как в лифте или аквариуме: ни окон, ни стен, только бесшумно скользящие вокруг неё двери – туда-сюда, по кругу. И лица, лица, лица – бесконечная череда лиц с утра до вечера, тоже по кругу.

Ей трудно пришлось, слишком многому необходимо было учиться с нуля. Университетский диплом не помогал ни работать с документами, ни назначать встречи или переговоры, а главное ни в одном университете вам не расскажут, как запомнить по именам сто человек сразу. Каждое утро она составляла себе список дел, которые необходимо завершить к вечеру, но к обеду список удлинился вдвое, разрастался как на дрожжах, и в лучшем случае к концу дня она вычёркивала из него лишь треть. Она ничего не успевала и порой горько плакала в туалете от собственной беспомощности, плотно закрыв двери, чтоб никто не услышал. Казалось, что единственное, на что она способна, – это спать. Спать, спать, спать, не просыпаясь. Усталость росла с каждым днём. Сергей то кричал на неё, то просил прощения за несдержанность, то вихрем проносился мимо по своим делам, не перекинувшись с ней и словом.

И всё же тревожила её не усталость и не разобщённость с братом, а непонимание того, зачем *ей* всё это нужно. Они никогда не говорили о людях – «люди», всегда – «потребители», словно человек и не человек вовсе, а огромный рот с желудком на ножках. Правда, после победы Сергея в офисе все повторяли его фразу: «Человек – есть то, что ему снится». Человек – есть сон: и рекламный носитель, и потребитель того, что сам себе рекламирует в одном лице. Ловко! Немудрено, что её мучили кошмары о бумажных человечках.

Раз в неделю по воскресеньям она забирала письма Руслана из почтового ящика. Он писал ей аккуратно, не заставляя подолгу ждать ответа. Конечно, воспользуйся они электронной почтой, можно было бы переписываться целыми днями, но у Наташи не хватило бы времени писать так часто, а Руслан свято верил в то, что бумага хранит тепло руки. Он не только читал, *что* она пишет, но и пристально вглядывался в неровности строк, чтобы понять *как*, в каком настроении, сразу угадывая и ловя между слов капли её слёз или изгибы радости.

Сейчас ей вдруг вспомнилась песня, которую они сочинили вместе, даже не зная об этом. Очень близкие люди способны чувствовать мысли друг друга на расстоянии.

После недельного плача в туалете её засекла одна молоденькая сотрудница и сразу предложила пообедать вместе.

– Я понимаю, тебе тяжело, но на первых порах всем тяжело. Пойдём с нами, мы тебе за обедом всё расскажем, разложим по полочкам, будет легче включиться, – сказала она.

Девушки сидели в небольшом, уютном кафе за столиком у окна. Официант принёс меню. Наташа раскрыла его и поняла, что не может разобрать ни слова. Названия блюд были столь

экзотические, а их перечень оформлен в столь изысканном стиле, что меню скорее напоминало китайскую грамоту. Наташа подняла голову на коллег с надеждой на помощь и совет. Но тут у первой из них зазвонил мобильный телефон.

– Алло, да, колготки в сеточку.

– Тот счёт нужно скопировать и отправить по факсу, спасибо, выручишь.

– Ой, привет! Да, съёмки будут, актриса просит повисить гонорар за участие в сонном ролике. Да, клиенту отправили предложение.

– Да, результаты первых анкет выложены на сайте. У нас уже сто тысяч желающих! Прайс-листы будут представлены на ближайшей презентации.

Наташа беспомощно переводила взгляд с одной девушки на другую, казалось, они вот-вот охрипнут и оглохнут от обрушившейся на них лавины звонков. Обе говорили одновременно, без остановки, заказывали блюда официанту, тыча пальцем в меню и даже не глядя на него. О Наташе забыли все, кроме официанта, с усмешкой ожидающего её ответа на вершине своих знаний китайской грамоты. После долгих расспросов Наташа выбрала блюдо «Мадагаскар», в результате оказавшемся самой обыкновенной картошкой с грибами, запечёнными в сыре. Почему именно «Мадагаскар» официант не ответил, только ещё раз презрительно усмехнулся.

Новые подруги продолжали говорить по мобильному и есть одновременно. Соус со спагетти капал на блузку, сырная крошка салата сыпалась на колени... – ничто не могло отвлечь их от телефонных разговоров, точно в этом маленьком аппарате заключалась целая вселенная, и от него одного зависела их жизнь. Чувствуя себя покинутой, Наташа начала рассматривать посетителей в кафе. По мобильным телефонам говорили все.

«Скоро народятся дети с головой, склонённой к плечу, их шея изначально будет иметь изгиб под телефон», – подумалось ей.

В это время мимо окна по улице прошёл паренёк, похожий на Руслана. Он никуда не спешил, смотрел то на небо, то по сторонам. Про таких в столице шутили: «Никуда не торопишься? Неужели собираешься жить вечно?».

Рука сама начала выводить новые строчки на салфетке...

Вечером отправила салфетку со стихами в письме Руслану. Через три дня он позвонил ей домой и сказал, что недавно сочинил мелодию точь-в-точь подходящую под текст. Вдруг на другом конце провода она услышала тихий разговор, узнала голоса Гриши и других ребят. Они собрались в квартире Руслана, чтобы сыграть новую песню специально для неё. Наташа пела, они играли: гитарное соло, бас, барабан, клавишные. Они снова были вместе, как раньше. Музыка и голос Наташи из разных городов шли навстречу друг другу, сливаясь в единое целое в телефонных проводах...

Наташа долго сидела на постели, поддавшись красоте неожиданно вспомнившегося момента, глядя перед собой в пустоту. Солнечный луч давно сбежал с её подушки, а само солнце переместило тени стрелок на циферблате. Она решила ещё раз позвонить Сергею, сказать, что заболела, и остаться дома.

– Хорошо, лечись, вечером привезу тебе витамины, – уже мягче отозвался он и быстро повесил трубку.

Чтобы убить время до его возвращения, она осмотрела книжные полки. Читать было нечего: сплошная спецлитература – психология, рекламный бизнес. Выхватив книжку с многообещающим названием «Общество мечты», она отправилась на кухню готовить ужин.

«Так устроено человечество, – прочла она. – Мы хотим быть продолжением чего-то значительного, хотим прикоснуться к чему-то интересному, значимому, большому. И поэтому

из массы компаний будут выделяться те, кто сумеет создать особую атмосферу вокруг товаров, которые они предлагают»³.

Нежно голубые сумерки за окном потемнели до сине-фиолетовых, но Сергея всё не было. Ужин остыл. Страницы книги повторяли друг друга, как лица за дверями её аквариума-лифта в офисе. Все их так называемые мечты были материальными, осуществимыми, а главное – потребляемыми. Но она-то знала, что к настоящей мечте нельзя прикоснуться, а тем более съесть её, выпить, надеть... Вздохнув, Наташа взяла в руки ножницы и начала вырезать из надоевших страниц бумажных человечков.

– Что ты делаешь? С тобой всё в порядке? – тихо положил ей руку на плечо Сергей. Наташа вздрогнула от неожиданности. Наверно, претворение сна в жизнь настолько увлекло её, что она не заметила, как хлопнула входная дверь, и Сергей прошёл к ней на кухню.

– Я ужин приготовила, сейчас разогрею, – попыталась оправдать она свое поведение.

– Устал сегодня, – присаживаясь за стол, улыбнулся Сергей. – Слишком много всего нужно сделать за день. У нас такие успехи! Почти все клиенты компании подписали с нами контракты. Посещаемость нашего интернет-ресурса возросла до двадцати тысяч человек в день. Вот людям халява нравится! И я считаю, что это не предел. Если и дальше так пойдёт, то рост оборота компании увеличится в два раза, а мы купим дом на Рублёвке!

Наташа молча поставила перед ним тарелку с жареным мясом и овощами.

– А ты чего сидишь в тишине? – спохватился Сергей. – Хоть бы телевизор включила.

– Я книжку читала, – начала Наташа, но, вспомнив, что не читала, а резала, замолкла на полуслове.

Сергей, погружённый в свои радостные мысли, уже забыл про истерзанное «Общество мечты».

– Хорошо, что ты приехала, приятно домой возвращаться. Ненавижу есть один!

Наташа подпёрла щёку рукой, внимательно вглядываясь в его вдохновенно жующее лицо.

– Но я тебя не вижу целыми днями. Ты теперь большой начальник – без стука не входи! Только по телефону и слышу, как приказы отдаёшь.

Сергей расхохотался в ответ, довольный собой. Наташа грустно опустила голову, пряча взгляд в тарелке.

– Включи, кстати, телевизор, – снова напомнил он. – Сегодня в новостях о нас репортаж будет. Ключевой клиент компании будет нас благодарить. Неужели неинтересно посмотреть?

Наташа, пожав плечами, потянулась к пульту.

После финальной сцены и титров фильма загремела и заискрилась заставка полуночных новостей.

– Российский рекламный бизнес сделал шаг вперёд, – появился в кадре долгожданный журналист. – До сих пор мы догоняли Европу и Штаты, сегодня же у нас в руках технология, которой нет нигде в мире. Реклама во сне. Это настоящий научный прорыв, который, возможно, в скором времени полностью изменит современную экономику. А теперь посмотрим репортаж...

Сергей улыбался Наташе уже из телевизора. Мелькнула странная мысль: двух Сергеев за одним столом – чересчур много.

– Реклама во сне даёт потребителю ощущение счастья и позволяет покрыть часть расходов за счёт рекламодателя, – восторженно говорил он.

– Теперь я уверен, что бюджет, потраченный на рекламу, не уходит в никуда, – не менее восторженно говорил другой человек, судя по высветившейся электронной плашке на экране, клиент корпорации. – Мой продукт получает гарантированный контакт с потребителем. С тех

³ «Общество мечты» – книга известного скандинавского ученого экономиста и футуролога Рольфа Йенсена (экономические стратегии развития, ориентированные на эмоциональное воздействие на человека)

пор, как мы запустили новую рекламную кампанию во сне, продажи плазменных телевизоров и домашних кинотеатров возросли – нет, не вдвое – в четыре раза к предыдущему периоду! Это фантастика!

Внезапно их счастливые лица ушли в ЗТМ, а на экране возник другой журналист на фоне вечерних улиц Москвы. Он уверенно пошёл на камеру.

– Кстати, о домашних кинотеатрах, – резко отчеканил он, продолжая наступать. – Недавно внук подключил своего деда к рекламе во сне, потому что не мог постоянно вносить коммунальные платежи за его квартиру, так как живёт в другом городе. В результате дедушка, насмотревшись рекламных снов, продал квартиру и купил себе домашний кинотеатр!

Журналист взмахнул рукой, и послушная камера сделала панораму вдоль улицы: на тротуаре сидел дед с полубезумной улыбкой, привалившись спиной к звуковым колонкам и крепко обнимая огромный плазменный телевизор.

– Что это? Издержки производства? – сдвинув густые брови, строго спросил журналист людей за кадром (то есть их с Сергеем, пьющих чай на кухне). – Что такое можно внушить человеку посредством сна, чтобы он, не задумываясь, продал свою квартиру? Где он теперь будет смотреть кино? На улице? Не зомбируют ли нас? Давайте задумаемся, прежде чем сказать: «Да!»

Сергей выключил телевизор и уставился на сестру. Теперь и у него брови сходились на переносице, как у журналиста с экрана.

– Наташа? Ты мой ассистент или нет? Кто это пропустил в эфир? Какой идиот загрузил в профайл нищего старика рекламу, рассчитанную на высокодоходную аудиторию? Ему не плазменные телевизоры нужно во сне видеть, а кефир, мать вашу!

Он вскочил и нервно забегал по кухне. Наташа испуганно сжалась на стуле.

– Я не понимаю ничего в компьютерной системе, ай-тишники сами запускают программу, она работает автоматически. А для новостей я вчера вечером отослала утвержденный сценарий, и там ничего про деда не было! Ты же сам подписывал!

– Вот пройдохи! – Сергей в бессильной злобе опустил за стол рядом с ней. – Где они этого деда вообще выкопали! И успели же за один день!

Он сжимал и разжимал кулаки до боли, до хруста, пока руки не побелели. Немного успокоившись и собравшись с мыслями, он попросил Наташу обзвонить всех сотрудников подразделения и назначить экстренную встречу на восемь утра. Наташа виновато посмотрела на часы: было глубоко за полночь. Многие из её коллег наверняка уже отправились в постель и видят десятый сон, а ей придется будить их среди ночи.

Хотя если журналист прав, и реклама во сне действительно так опасна, то может, лучше и не спать вовсе?

Спать Сергей перестал давно, лишь перехватывал пару часов забытья перед рассветом. Председатель Совета директоров был вне себя от ярости. В бизнесе есть величина неизмеримо большая, чем скорость света. Это скорость распространения деловой репутации. Совет директоров трепетал от одной мысли о том, что кто-то или что-то может бросить тень на корпорацию, а тут – сюжет в новостях! Немыслимый промах! Сергею пришлось дать слово, что будет лично контролировать все профайлы потребителей. Поскольку число желающих подключиться к рекламе во сне с каждым днём возрастало в разы, время на сон и отдых сокращалось обратно пропорционально. Он старался не думать о том дне, когда стрелки их векторов пересекутся, а его пристрелят, как загнанную лошадь. Нет, его никто не догонит, он найдёт оптимальное решение, выстоит, выдержит, победит.

Впервые за несколько недель он возвращался домой по вечернему, а не по ночному проспекту восстановить силы, выспаться.

– Серёг, ты мне нужен сегодня! – услышал он пьяный и какой-то надломленный голос Игоря в трубке. – Приезжай, я в ресторане сижу, в нашем. Приедешь?

– У тебя что-то случилось? – резко спросил Сергей. – С какой радости во вторник напиваться?

– Случилось! А разве сегодня уже вторник? Да-а. Четыре дня, значит, пью. Ну, приезжай, давай посидим, я угощаю.

Лучше бы отказаться, но...

– Как можно друга бросить пить одного? Сейчас заеду, я здесь близко. Машину только оставлю на стоянке.

Игорь глушил виски со льдом за столиком в углу ресторана спиной ко всем посетителям, уткнувшись неподвижным взглядом в стену.

Сергей молча сел напротив, вместо стены. Игорь, чуть улыбнувшись, также молча плеснул ему виски в другой стакан. Дзинь. Выпили.

– Пьёшь с горя или с радости? – попытался разрядить обстановку Сергей, но понял, что радостью трёхдневный перегар друга и не пахнет.

Игорь недавно расстался с очередной своей подопечной, начинающей поп-звездой Лолой, отменил все её концерты и продался телевидению – продюсером реалити-шоу «Каскадеры».

– Если из-за Лолы пьёшь, то не стоит – осторожно начал Сергей. – Дрянь она. У них у всех сейчас мода на малолеток. Самая последняя содержанка грезит о власти. Моя бывшая тоже: взял выписку со счёта, а там сплошные мужские магазины прописаны. Все они одинаковые: сначала пудрят тебе мозги, а потом для поддержания имиджа покупают себе прокаченных стриптизеров по твоей же кредитке. Выставил её прямо из ресторана. Хоть бы соврала, что брату покупает или отцу. А то хлопает ресницами и улыбается. Мальвина!

Тут, вспомнив о попугайчике, Сергей в сердцах хватил кулаком по столу. Но в стакане Игоря даже лёд не дрогнул.

– Лолка с гитаристом своим спуталась. А пью я не поэтому, – мрачно вздохнул он.

– Так других поводов вроде нет, – оживился Сергей. – Смотрел твоё реалити-шоу, впечатляет! Экстрим! Классно они через пропасть прыгали! «Последний герой» отдыхает! Рейтинги почти новостные!

– Да, рейтинги высокие, – криво усмехнулся Игорь и залпом допил свой виски. – Ваши клиенты деньги вложили, купили генеральный пакет на спонсорство за три миллиона долларов.

– Поздравляю! Вот тебе и стоящее дело, о котором ты мечтал, – хлопнул его по плечу Сергей и, быстро разлив остатки виски по стаканам, поднял свой. – За тебя и твои успехи!

Игорь отставил свой стакан в сторону.

– Паренёк там у меня разбился, насмерть, – низко опустив голову, начал он. – Не допрыгнул. За него все зрители голосовали, любимец публики был.

– Прости, я не знал, – отшатнулся Сергей. – Ничего не показывали. И что теперь большие проблемы?

– Проблемы? – нервно засмеялся Игорь, и в глазах заплескалась пустота вперемешку с виски. – Нет никаких проблем. Родственникам дали сто тысяч зелёными, чтобы шум не поднимали. В эфир пару склок его с другими участниками шоу из черновой съёмки пустили, результаты голосования зрителей подделали, он как бы выбыл из проекта. Участники шоу и так молчать будут, для них это единственный шанс попасть на телевидение. НИК-ТО НИ-ЧЕ-ГО не знает и не узнает. Show must go on!

Игорь уронил голову на руки и глухо завыл, стиснув зубы. Конвульсивно запрыгали по столу стаканы. Сергей быстро придвинулся к нему вплотную, крепко обхватив за плечи.

– Эй, держись! Это производственные издержки. У меня тоже под окнами целые демонстрации по утрам стоят с плакатами: «Долой рекламу! Верните наши сны!» Но когда речь идёт о больших деньгах, маленькие жизни в расчёт не принимаются. Мы на войне, приятель! Собирайся, возьми себя в руки! Ваше шоу даёт очень высокие рейтинги и приносит немалую прибыль центральным каналам. Это же твоя продюсерская слава! Твоя мечта! А за мечту нужно драться! И убивать ради неё, если приходится.

Игорь, не поднимая головы, пошарил рукой по столу в поисках недопитого виски. Сергей вложил стакан ему в руку. Молча выпили. Выкурили по сигарете. Сергей не торопил друга, понимающе ждал, пока тот сам захочет договорить и выговориться.

– Всё было бы ничего, но снится мне этот парень, – наконец продолжил Игорь. – В последнее время вообще не сплю. Только глаза закрою, а он тут как тут стоит у изголовья кровати, смотрит на меня и молчит. И кажется мне, что и не сон это вовсе.

– Это потому, что спишь один. Заведи себе новую подругу, полегче будет.

Игорь снова замолчал, потянулся к измятой пачке сигарет.

– А...к черту! Всё равно ничего не вернуть, – выдохнул он вместе с дымом сигареты. – Тебе спасибо, что приехал. Посидели – и вроде отлегло.

– Вот и хорошо! Если ничего нельзя исправить, сожалеть о содеянном – бессмысленно и никому не нужно. Ты ж не святой, чтоб всю жизнь раскаиваться. Было и прошло, – убеждал Сергей. – А подруга тебе нужна. Тоскливо одному домой возвращаться.

– Нет уж, не нужна, не хочу кормить потом всех её любовничков. Меня на всех не хватит! – попытался отшутиться Игорь.

– А ты с приличной девушкой познакомься, которая Prada от Dolce Gabana отличить не сможет.

– Ну, ты загнул! Это какой-то раритет, а не женщина! Таких не бывает.

Сергей вдруг почувствовал удар изнутри – осенило. Действительно, что может быть лучше, чем два самых близких человека рядом?

– Я тебя с Наташкой познакомлю, – быстро заговорил он. – Сестра моя – умница, красавица, честная, искренняя. Всё равно работник из неё никакой, не хватает ей жёсткости. Мне ассистент позубастей нужен. А вы друг другу понравитесь, детей заведёте. И я свой долг старшего брата перед матерью выполняю, пристрою сестру. Хоть одна гора с плеч!

– Правда красавица? – встрепенулся Игорь.

Сергей достал фотографию из портмоне. Он хранил её со времён переезда в Москву. Сестрёнкин выпускной бал в школе. Она заразительно смеялась, грациозно откинув голову, на фоне цветов сирени. Если бы слову «счастье» подбирали визуальный образ, то Наташа могла бы стать его живым воплощением.

– Какой цветок! – выхватил Игорь фотографию у него из рук. – Я оставлю себе?

Сергей машинально потянулся за карточкой. Игорь быстро сунул её в нагрудный карман рубашки.

– Нет уж, пристраивать сестру, так пристраивать! Ты определись как-нибудь!

Сергей взглянул на часы. Половина десятого.

– Поехали к нам, ещё не поздно. Поужинаем. Заодно и представлю вас друг другу, – предложил он. – А то будешь здесь один до утра напиваться.

Игорь с готовностью согласился, и оба отправились ловить такси.

– Не рассказывай ей о своих ужасах. Не нужно ей всего знать, – спохватился Сергей на выходе. – Она натура – тонкая, не выдержит, сломается.

Наташа открыла им дверь, как на фотографии: грациозно откинув голову, и сияющие глаза – в цвет сирени. Теперь уже Игорь ощутил удар изнутри. Наверно, в этот вечер их с Сергеем была одна и та же рука судьбы.

Давно, ещё в детстве, мне подарили картину: тихое лесное озеро, солнце, садящееся за кроны деревьев, ярко розовые и оранжевые блики на глади воды. Далекое не шедевр, но от неё становилось тепло и радостно на душе не только мне, но и всем, кто приходил тогда к нам в гости. Лишь одна деталь была несуразной и неправильной в картине: тёмное дерево на переднем плане с заштрихованной, замазанной густым слоем масла веткой, выдающей неумелую руку художника. Наверно, изначально он затосковал, провожая солнце, и нарисовал дерево с ветвью, склонённой к земле, но затем тёплые тона картины вытеснили меланхолию, и он закрасил неуместное уныние, подняв все ветви дерева вверх. Ему вдруг захотелось, чтобы дерево не грустило по солнцу, а махало бы рукой ему вслед в надежде на новый день. Смену настроений во время работы он мог бы скрыть более искусно, но художник, вероятно, был начинающим – не получилось. Так или иначе, но глядя на картину, всё чаще думалось о том, что некоторые эпизоды из жизни похожи на эту неумело заштрихованную ветку. Как ни скрывай потерь, ошибок и поражений, при определённом освещении и под определённым углом они всё равно видны. Раскаяния не существует, ты всего лишь перестаёшь улыбаться. В свете того, что успел натворить в жизни, радость начинает казаться чем-то постыдным.

После измены Лолы Игорь убивал время на ночных сеансах в кино. Запомнилась сцена погони в одном фильме. Герои перепрыгивали с крыши на крышу вагонов горящего и мчащегося под откос поезда. Только языки пламени стелились по ветру в одну сторону, а волосы героев развевались тоже по ветру... – но совсем в другую. Перечудили режиссер и съёмочная группа со спецэффектами. Чувствуя себя обманутым, Игорь встал и вышел из зала. Неужели зрителя настолько не уважают, что не потрудились переснять явный провал? Или рассчитывали, что он ничего не заметит? Вместе с ним кинозал покинуло больше половины полуночников. Наверно, не его одного тошнило от дешёвых компьютерных спецэффектов. Тогда ему и пришла в голову идея реалити-шоу «Каскадеры». В шоу всё будет «вживую», по старинке, с азартом и риском для жизни. Народ жаждет зрелищ и меньше всего ждёт обмана.

Центральные каналы тут же ухватились за проект, и отбор участников начался по всей России. Конкурс для всех желающих, кто имеет спортивную подготовку и мечтает сниматься в кино. Главный приз победителю – контракт с киностудией. Ребятам наняли тренеров, постановщиков трюков, известных каскадёров в учителя. Начали с самых простых трюков, но рейтинги первых показов шоу взлетели до небес. Игорь быстро превратился в Короля и Бога на съёмочной площадке. И вскоре двенадцать улыбающихся счастливых выстроились в очередь у края пропасти. Он был уверен, что проверил страховку. Но... Олегу совсем недавно исполнилось двадцать лет, и он мечтал стать кинозвездой...

После того, как первые страсти улеглись, Игорь собрал участников реалити-шоу.

– Сегодня я хочу поговорить с вами о смерти Олега. Я как продюсер этого шоу имею право знать ваше мнение.

– Мы все подписали бумагу о неразглашении. Это был несчастный случай! – бодрым хором отчеканили ребята.

«Да, здорово их выдрессировали», – подумал про себя Игорь.

– Я не об этом, – резко остановил он их. – По-вашему мнению, после этого стоит продолжать проект?

– Стоит! Олег сам нарывался! Тоже мне, трюкач! Он отстегнул страховочный трос. Хотел потом показать на камеру, что прыгал без него. Он хотел победить, во что бы то ни стало!

– Да, это нечестно из-за одного придурка закрывать шоу. Для нас шоу – это шанс! У меня, например, вообще никакого образования нет. И что? Я теперь должен возвращаться на свой завод гайки закручивать?

Ребята, похоже, не собирались уступать. Они мечтали о победе и потому не были склонны анализировать случившееся и оглядываться назад.

– Шанс! – грозно повторил Игорь. – Не боитесь? Да, вас учат опасным трюкам. Да, есть страховка. Но вы же понимаете, что профессии каскадера учатся несколько лет, а то и всю жизнь. И за несколько месяцев проекта, вы звёздами кино не станете. А страховка может и обрваться!

– Ну и что! – взвизгнула одна из участниц (она была самой хорошенькой в команде и больше других рассчитывала на успех). – Даже Ланка подписала контракт с магазином спортивной одежды. Моделью стала! А кем была до шоу? Газировкой торговала в ларьке в Мытищах!

Игорь испытующе переводил взгляд с одного юного лица на другое в надежде найти хоть проблеск сочувствия к погибшему, но тщетно. Ребята стояли стеной.

– Странно, но другого ответа я почему-то и не ждал, – вздохнул Игорь. – Вам всего двадцать лет, а вы уже ослеплены славой! Ну что ж, будь по-вашему, – махнул он рукой. – Но в скором времени у вас будет другой продюсер и другие тренеры по трюкам.

Про себя он давно решил доработать первый сезон и уйти с проекта. Права у него выкупили, а дальше пусть делают, что хотят. И все же... Олег стоял у края его постели каждую ночь. Игорь проклял все ночные киносеансы и себя вместе с ними. Ведь это его идея, это он должен был проверить страховку, это его вина. Нуждаясь в таблетке от отчаяния, он начал пить. А потом Сергей познакомил его с Наташей...

Игорь посылал ей орхидеи в горшочках. Они в его понимании ассоциировались с нежностью. И ещё ему очень хотелось остаться с Наташей надолго, если возможно, то навсегда. Поэтому срезанные цветы не годились.

Постепенно он приучил себя смотреть на картину последних событий под таким углом и освещением, чтобы закрашенная ветка не проступала сквозь слои масла.

Наташа задумчиво разглядывала орхидеи, выстроив перед собой горшочки в ряд по росту. Их нельзя выбросить, они – живые, как маленькие животные или дети: с глазками, носиком, ротиком. Закрываются на ночь, словно закутываются в одеяло, а утром просыпаются, распаивают объята, тянут руки, требуя внимания и заботы. Не уследишь, не польёшь, не покормишь вовремя – и они погибнут. Но и оставлять орхидеи у себя – тоже предательство.

Наташе нравился Игорь. Её – робкую и несмелую – всегда притягивали уверенные в себе люди. А смеющимся цыганским глазам Игоря, казалось, неведом страх. Каждый его жест вселял спокойствие и чувство защищённости, словно его окружала аура удачи, а небеса любили его сильнее всех остальных.

С того вечера он частенько ужинал у них дома, и ей нравилось готовить что-то особенное к его приходу. Сергей в эти дни отпускал Наташу с работы пораньше. За столом Игорь рассказывал невероятные истории о буднях шоу-бизнеса, но с таким же успехом мог бы рассказывать о том, как чистить картошку или менять колёса в машине: с его даром увлечь людей любой, даже самый банальный рассказ становился притчей или анекдотом. Игорь умело мог разрядить нервную обстановку в их доме и помирить её с Сергеем. В офисе они часто ссорились и, как обычно бывает, тащили все ссоры домой. Игорь стал громоотводом для них обоих. Но чем больше он ей нравился, тем сильнее тосковала она по Руслану. А Игорь посылал ей орхидеи всё чаще и чаще.

Одно дело – ужин втроём: с братом и его другом. И уж совсем другое – записка, вложенная в живой цветок: «Сергей собирался сегодня работать допоздна, может, поужинаем вместе?». Орхидеи запахла изменой.

Скользнула стеклянная дверь. Сергей, заметив цветы на Наташином столе, широко улыбнулся:

– Куда пойдёте ужинать?

– Я не пойду ужинать, – Наташа теребила лепестки орхидей, как будто хотела, чтобы им тоже стало больно. – И цветы Игорю придётся вернуть.

– Почему? Что не так? – Сергей нетерпеливо переложил папку с бумагами из одной руки в другую. Ему уже не то что бежать – лететь нужно было на встречу с клиентом, а Наташа его держала.

– Это нечестно, – упорствовала она. – Что я потом скажу Руслану? Помнишь, ты обещал, что он может приехать ко мне? Когда я смогу пригласить его к нам? Прошло три месяца, как мы не виделись.

– Я? Обещал тебе? Что он приедет к нам?! Не помню! – взорвался от такого поворота событий Сергей (он уже давно, облегченно вздохнув, вычеркнул Руслана из её жизни). – Куда угодно, только не в мою квартиру! Впрочем, если тебе некуда деньги девать, можешь накопить ему на номер в гостинице на несколько дней.

И он резко повернулся к ней спиной, собираясь уйти. За спиной раздались тихие всхлипывания. Прямая осанка Сергея обмякла.

– Мой тебе совет: забудь его поскорее! – Сергей вернулся и обнял сестрёнку, он никогда не мог слышать, как она плачет. – У тебя теперь новая жизнь. Игорь – надёжный парень, с ним ты будешь счастлива! Как за каменной стеной. И мама будет довольна.

– Не переживай за меня! – Наташа резко стряхнула его руку с плеча и встала из-за стола. – Я сама как-нибудь разберусь, с кем я буду счастлива.

– Ну, как знаешь, – вздохнул Сергей. – Я сегодня, наверно, опять допоздна буду в офисе. А ты могла бы сходить куда-нибудь, развеяться.

Вместо ответа во взгляде Наташи засквозил укор, и он молча вышел, чтобы снова не разжигать ссору.

Вечер. Луч фонаря заглядывал в окна. Два пропущенных телефонных звонка: один – от Игоря, другой – от Сергея. Наташа оставила телефон лежать на столе, потушила свет, накинула куртку и вышла за дверь.

С недавних пор она полюбила вечерние прогулки. Сергей частенько до полуночи засиживался в офисе, выращивая новую породу людей, грезящих рекламой, а ей было скучно дома одной. Свою работу она выполняла с десяти до семи, как и все нормальные люди. Брат не требовал от неё большего.

Первые числа сентября. Вечерами стояла по-летнему тёплая погода, но темнело рано. Листья на деревьях осень уже вышила по краю тонкой золотой ниткой. Одинокие прохожие никуда не спешили, грусть разливалась в воздухе. Наташа обычно шла по узким улочкам до проспекта, упиравшегося в мост над рекой, долго стояла посередине, с восхищением разглядывая панораму огромного светящегося города, а потом той же дорогой возвращалась обратно.

Вечерний ритуал не задался: начал накрапывать дождик. С неприязнью взглянув на затянутое тучами небо, Наташа всё же решила дойти до моста. По его противоположной стороне ей навстречу шла девушка или женщина, издали возраст определить было сложно. Стройная, в чёрном обтягивающем, похожем на трико, наряде и высоких сапогах. Шаг её – легкий и пружинистый – чем-то напоминал танец фламенко, словно сдерживал сам себя, не давая страсти

вырваться наружу. Наташа отвела от неё взгляд, заметив, что она остановилась точно напротив. Ей стало неловко рассматривать незнакомку в упор. Но что-то в ней было необъяснимо притягательное – то же, что и в летящей панораме города за перилами моста, – зачарованность высотой. Наташа не удержалась, чтобы незаметно из-за плеча не оглянуться. Вдруг та одним движением перемахнула через перила. Теперь она видела только её голову и руки, сжимавшие чёрную резную сталь в каплях дождя.

Наташа с ужасом посмотрела вниз: по другую сторону перил был узкий покатый козырёк, сантиметров десять-пятнадцать в ширину. Незнакомка стояла над рекой на тоненьком уступе, не страшась (или желая?) сорваться вниз. Наташа, не отрываясь, следила за ней. Та не двигалась, словно закрыла глаза и представила себя птицей. Самоубийца. Нужно что-то сделать, позвать на помощь, удержать...

Ещё мгновение – и крик онемел в горле. Наташа в считанные секунды очутилась на противоположной стороне моста. Незнакомка летела вниз, беспомощно раскинув руки. Удар о воду взметнул лавину сверкающих брызг. Разъярённая вторжением река, сомкнув челюсти, поглотила её. Наташа ждала, не смея пошевелиться. Наконец глубина выплюнула мёртвое тело, и тёмные волны потащили его за собой, швыряя из стороны в сторону, как пластмассовую куклу. Наташа оглянулась по сторонам. Мост был пуст. Телефон оставлен дома. Она побежала в сторону проспекта за подмогой.

Служба спасения подъехала быстро, точно давно ждала этого вызова. Тело прибило к берегу метрах в ста от падения. Самоубийцу откачали. Мучительно закашлявшись, она встряхнула головой, и спутанные чёрные волосы снова скрыли от Наташи её лицо.

– Некогда, девушка! Скорее садитесь в машину! Иначе мы её потеряем, – прикрикнул на Наташу врач скорой помощи.

И она поехала вместе с незнакомкой в больницу.

– Вы кто ей будете – родственница, сестра? – разбудил её утром неприятно высокий голос медсестры.

Наташа, ещё до конца не проснувшись, судорожно кивнула. Всю ночь она провела, свернувшись калачиком на стуле под дверью палаты незнакомки. Сначала ждала известий о её состоянии, потом от усталости заснула.

– Не беспокойтесь, с ней всё в порядке! Лёгкое сотрясение мозга. Подумать только, бывают же люди, как в рубашке родилась! Никаких переломов, никаких внутренних повреждений! А ведь прыгала с моста в воду – там шестизэтажный дом в высоту будет, а может, и больше. Должна была разбиться о воду, но ни царапинки! – улыбнулась некрасивая медсестра. – Можете к ней пойти, она давно не спит.

Наташа долго смотрела вслед толстым раскачивающимся бёдрам медсестры, и в голове её тоже всё кружилось. Что она здесь делает? Нужно ли вообще заходить? Встала и на затёкших ногах с трудом подошла к двери палаты.

– Это ты позвала на помощь?

Наташу поразила синева глаз незнакомки – та смотрела на неё в упор, не мигая. Она молча кивнула и пугливо оглянулась на дверь, не зная, о чём можно говорить с самоубийцей: просить прощения, что спасла, или, наоборот, радоваться с ней вместе, что удалось.

– Спасибо тебе! Вообще-то я не хотела, – чуть улыбнувшись, дружелюбно протянула незнакомка ей руку. – Я – Полина.

Наташа хотела назвать своё имя, но Полина перебила её.

– Мы – всего лишь бумажные человечки, – проговорила она чуть осипшим голосом, и глаза снова полоснули Наташу своей синевой. – Нас кто-то вырезал умелой рукой и забыл на столе у открытого окна. Он не сказал зачем. Дует ветер, и мы падаем на пол...

– Это мой сон!

– Это моя книга!

– Ты пишешь книги?

– Да, я – графоман. Потому что писатель – это тот, кто издаётся на бумаге. Меня же читают только в сети. Нет, ты не поймёшь, наверно, но это как болезнь души. Ты знаешь, что нет середины между всем и ничем, гением и бездарностью? И тот, и другой, производя что-то на свет, испытывают одни и те же чувства. Поэтому уже не важно, как ты пишешь – хорошо или плохо, важно предчувствие вдохновения. Любой человек, кто хоть раз испытал вдохновение – этот порыв создавать свои миры и вселенные – не в силах от него отказаться. Творчество – самое великое счастье на свете! Это чувство не способно заменить ничто: ни любовь, ни рождение ребенка, ни власть, ни деньги, ни слава – НИЧТО! Я пишу, потому что это держит меня на плаву. Когда жизнь становится невыносимой, я могу сочинить себе другую. Я уйду, потому что там могу любить. Я – человек без оболочки, и всё, что вокруг, – уже внутри меня. Видеть мир по-другому не только великий дар, но и великая боль. Это обострённое восприятие действительности. Я оказалась на мосту, потому что хотела прожить жизнь героя моего романа. Узнать, ЧТО чувствует человек, решивший покончить с собой. До самых мельчайших деталей: скользкого камня под ногами, рёва реки, холодка ржавых перил, головокружения от высоты... Я хотела постоять на краю, а потом вернуться домой и закончить книгу. Но сорвалась вниз. Уступ был слишком узким, а перила – скользкими. Я не нарочно. Думала: постою над водой и всё почувствую. Но поскользнулась и не удержала равновесие...

Полина говорила, захлёбываясь, быстро, громко, горячо, и слова её держали Наташу, как на привязи, не позволяя выйти за дверь. На щеках заиграл румянец, слипшиеся короткие чёрные волосы смешно торчали во все стороны. И всё же Полина показалась Наташе невероятно красивой в своём безумии. И глаза... Глаза постепенно приобрели человеческий мягкий зеленоватый оттенок. Наташа вдруг вспомнила поверье о том, что у всех, кто уходит в небытие, глаза перед смертью становятся пронзительно синего цвета.

– Глаза у тебя позеленели, значит, с тобой всё в порядке, – вслух повторила она свою мысль. – И медсестра мне тоже сказала, что никаких внутренних повреждений и переломов у тебя нет.

– Да, наверно, кому-то очень нужна моя книга, – гордо вскинула острый подбородок Полина.

– Но почему самоубийство? И что всё же он чувствует? – любопытство окончательно победило в Наташе желание уйти. Она взяла стул и присела у края её постели.

– Когда-то я написала повесть, – загадочно начала Полина, – и создала героя... Никакого, он по сюжету и должен был стать никаким, так, эпизод: ни поступков, ни мыслей серьёзных, ни характера, ни порывов... Он ничего не успел сделать и говорил цитатами из прочитанных книг. Но в финале его убивают. И мои читатели – все как один – полюбили его больше других героев повести, даже главных. Письма приходили с десятком восклицательными знаками – они требовали его оживить. А чем он заслужил всё это? Тем, что его убили. Наверно, не нужно ничего совершать в жизни: ни героического, ни доброго, ни смешного. Достаточно умереть, чтобы тебя полюбили. Восемь цифр на каменной плите и есть символ всеобщей любви. А самоубийца, он хотя бы способен на последний, трагический шаг. Так интереснее.

– Но самоубийство – грех. Может быть, неосознанно, но все их осуждают, считают плохими, – попыталась возразить Наташа.

– Не бывает плохих людей, есть только потерянные дети, по дороге жизни свернувшие не туда. Я – такой ребёнок. Когда у человека болит душа, это похоже на зубную боль. Невыносимо! И каждый справляется с ней по-своему. Одни сразу бегут к врачу, то есть ищут утешения и поддержки у своих родных и близких. Другие постоянно глотают обезболивающее: алкоголь, наркотики, работа, любовь, секс, творчество... – всё, что угодно, лишь бы притупить боль. А третьи пытаются вырвать свою душу-зуб сами. Это и есть настоящие самоубийцы. Они ни

у кого не просят помощи, их нельзя спасти. Люди умирают, чтобы навсегда остаться в памяти живых. Единственные, кого мы никогда не забудем, – те, кого уже нет рядом. Но мой герой не из их числа. Он – нормальный, просто я не оставила ему другого выхода. Он не умеет проигрывать и по сюжету должен уйти. И на мосту я искала его страх.

– Ты не эмо⁴ случайно? – настороженно поинтересовалась Наташа, вспомнив про чёрное её одеяние.

– Нет, – засмеялась Полина в ответ. – Эмо не хотят жить, а я только пишу о смерти. Я слишком люблю жизнь, поэтому и смерть для меня много значит. Если бы мне протянули две руки, и в одной из них была бы вечность в Раю, а в другой – бессмертие здесь, на Земле, я, не задумываясь, выбрала бы вторую. Я люблю себя, людей и нашу планету, а ещё возможность стать на время кем-то другим. Ты когда-нибудь перекрашивала волосы?

Наташа невольно коснулась своих длинных золотисто-каштановых волос.

– Нет, никогда.

– Значит, тебя устраивает одна жизнь. А мне одной мало. Брюнетки, например, – мистики, блондинки всегда влюблены, а рыжие – склонны к риску и невероятно удачливы. Они могут спокойно сесть в самолёт, зная наперёд, что он потерпит крушение. Рыжие всегда остаются... Я меняю души, как актриса меняет роли. Вживаюсь в образы, перевоплощаюсь, могу прожить жизни, которые мне недоступны. У меня тысячи лиц. В общем-то, с детства я никогда не была собой, всегда играла в какие-то игры: то Золушкой себя представляла, то Робинот Гудом. Так что болезнь моя не лечится, – и Полина снова засмеялась счастливо, заливисто, громко.

Наташа слушала её смех и жалела о том, что у неё никогда не было подруг. Может быть, она упустила что-то важное в жизни? Хотя вряд ли это станет для неё важнее, чем их с Русланом песня, до сих пор блуждающая где-то в телефонных проводах воспоминаний.

– Не говори ничего врачам, – спохватилась она вдруг. – А то упекут...

– В психушку? – дерзко передразнила её Полина. – Не бойся, я умею притвориться нормальной. Скажу, что кошелёк выронила и пыталась достать. А вообще скрывать нечего. Не существует людей, так или иначе не стремящихся к смерти. Сигареты, алкоголь, наркотики, секс с первым встречным, экстремальные виды спорта – всё это ни что иное, как тяга к саморазрушению или, если быть честным, суицидальные наклонности. Подсознательное желание узнать, что там, за чертой. Перестать сожалеть о быстротечности жизни, избавиться от дамского меча времени, шагнуть в вечность. Это тяга к определённости, ведь неизвестность всегда удручает.

– И что ты узнала... когда падала в реку?

– Ничего. Холодно. Свист ветра в ушах. Пустота. Неправда, что вся жизнь проносится перед глазами. На это не хватает времени, оно сжимается до каких-то долей секунды. И ты видишь себя как бы со стороны. Я даже не успела испугаться. Слово все происходило не со мной, а с кем-то другим. Как во сне о бумажных человечках... Но когда я проснулась в больнице и увидела свои руки поверх одеяла, они показались мне такими красивыми и такими родными! А ноги, когда откинула одеяло... я поняла вдруг, как сильно люблю свои блестящие коленки. Я встала с постели – и не почувствовала боли, только лёгкость в движениях, словно плыла или летела по воздуху. Подошла к окну и смотрела, как солнце поднимается над домами. Это было похоже на волшебство. Слово я отсутствовала на Земле много лет и вот сейчас вернулась.

– А я никогда не думала о смерти, – вспомнив скользкий уступ моста, уверенно произнесла Наташа. Глядя вниз, она не ощутила ничего, кроме страха сорваться. Ей никогда всерьёз и не верилось в притяжение бездны.

⁴ Эмо – молодежное движение, музыкальный жанр, субкультура, тексты песен и облик представителей часто воспевают смерть и самоубийство.

– Тебе ещё рано. Это удел тех, кто неожиданно повзрослел. Был-был ребёнком, а потом в одно прекрасное утро понял, что больше ничего не изменится, и остаётся только ждать, когда всё закончится. И всё, что у тебя есть впереди, – лишь часы, которые нужно пережить. Ожидание – невыносимо, но хуже всего, когда перестаёшь ждать новостей.

– Наверно, я всё ещё жду. Наверно, никогда не перестану, – задумалась Наташа.

– Всё когда-нибудь заканчивается. Иначе жизнь не была бы жизнью, – вздохнула Полина.

Обе замолчали. Наташа снова оглянулась на дверь.

– Меня ещё дня три здесь продержат, придёшь навестить? – спросила её Полина перед тем, как попрощаться, и внезапно погрузившись, добавила: – Возвращайся! Я скажу врачам, что ты – моя сестра, потому что после всего, что случилось, ко мне никто не придёт больше.

– Да, – оглянулась в дверях Наташа, чувствуя, что лжёт.

Порой жизнь сама лжёт за нас, так как нам не хватает смелости сказать: «Нет».

Миновав ворота больницы, Наташа погрузилась в музыку улиц: звенели троллейбусы, гудели машины, пиликали мобильные телефоны, подпевали на разные голоса люди – и всё это сопровождалось легкими гитарными переборами струн из распахнутых окон откуда-то сверху. Музыка была внутри и вокруг неё, наполняя и переполняя усталые мысли. Джаз...

Наташа шла домой и думала о Полине и брате: «Оба они – ненормальные, живут ради шальной мечты, на всё готовы, на любые жертвы во имя неё. Только Полина срывается с моста. А мой брат...». Наташе вдруг вспомнились демонстрации под окнами офиса, которые она боязливо обходила каждое утро. Люди обезумели от рекламы во сне, превратились в зомби. Счастье, мечту, солнце в мыслях им заменили йогурт или плазменный телевизор, и они сметали всё с прилавков, не в силах себя контролировать, выкладывая последние деньги. А ведь кто-то из них когда-то тоже писал стихи, а кто-то хотел поехать в Венецию или в круиз по Волге.

На фоне мечты Полины мечта Сергея вдруг превратилась в безобразную старуху, ведьму, которую впору бы сжечь на костре. Но ещё сильнее заболело внутри при мысли о Руслане, о музыке, о рифме строки, о рассветах на набережной и концертах в старом парке – обо всём, что оставила в маленьком городке на Волге.

«А как быть с моей мечтой?» – вдруг спросила себя Наташа и поняла, что никогда не была так далека от её воплощения.

Вернувшись домой, она отыскала диск, записанный Русланом перед её отъездом в Москву. Нежный перебор струн – и её голос взвился высоко под потолок.

Как я жду тебя, слово, чтоб наполнить собой.

Ночи трепетной полог над моей головой.

Капли боли и света – в зеркалах моих снов.

Я вдыхаю рассветы, запираю засов.

Я ловлю тебя, слово, паутинкой души.

Берегу всё, что ново, и уйти поспешит:

робкий звук, странный привкус, зазевавшийся шаг,

и тоски моей приступ, и мечты моей страх —

всё храню в зеркалах.

Отрази меня, слово!

Воскреси меня, слово,

Я рождаюсь тобой!

Впервые Сергей понял, что значит власть, будучи школьником. В девяностые – времена челночных поездов на Москву – вся торговля переместилась на вещевые рынки. Закончив четверть без троек, Сергей рассчитывал на награду: кожаную куртку, о которой мечтали все его одноклассники. Ему было неловко идти выбирать кожанку на рынок вместе с мамой, он уже тогда считал себя независимым. Взяв у неё деньги, он отправился на площадь, заставленную ларьками, в одиночку.

– Дай погадаю, красавец! – цыганка, поравнявшись с ним, пристально взглянула в глаза.

Сергей остановился. Пронизывающий осенний ветер стих, внутри неожиданно потеплело (до встречи с ней он долго блуждал по рынку и совсем замёрз). Чёрные глаза цыганки, как в омут, засасывали его всё глубже и глубже. Жарко, ещё жарче... и каждый вздох давался с трудом.

– Если долго смотреть на огонь, то внутри пламени увидишь Белый город, – только спустя много лет он вспомнил, что впервые узнал слова легенды именно от неё.

Домой Сергей вернулся без куртки и, конечно, без денег. Но с тех пор мысли о возможности гипнотического воздействия на людей, подавления их воли, о силе, дающей превосходство и заставляющей совершать других любые угодные ему поступки, не покидали его.

В старших классах он увлёкся психологией, зачитывался различными теориями влияния, изучал методики гипноза. А когда пришло время выбирать будущую профессию, решил поступать на факультет маркетинга и рекламы. Ему казалось, что именно реклама обладает той силой, которая способна менять поведение как отдельного человека, так и общества в целом. Мощная сила ветра, вращающая маленький флюгер на крыше дома.

Ради чего живёт человек? Правильно, чтобы обладать. Чем больше вещей умудрился присвоить, тем выше общественный статус. Богатых не судят, а нищих победителей не бывает. А кто нам это внушил? Рекламисты: цыганки, мессии, политики и пророки в одном лице. Хочу! Хочу много всего и сразу! – вот девиз (или, если угодно, слоган) современного человека.

Однако первые месяцы работы в столичной рекламной компании грубо намекнули, что без козырей в рукаве он сам превратится в хлипкий вертящийся флюгер. И тогда он начал анализировать, систематизировать, искать и изобретать, попутно перенимая опыт, стратегию и тактику вышестоящих персон, не гнушаясь даже теми, кого искренне успел возненавидеть. В обществе высоких технологий побеждает умнейший.

К слову сказать, ничего сверхъестественного он не изобрёл, а сложил стройную мозаику из уже существующих, но разрозненных научных достижений. Наиболее применяемый в науке способ техногенного зомбирования предполагал использование гипноза с помощью инфразвука на частоте до 20 Гц, не воспринимаемой человеческим ухом. Известно, что человеческое тело представляет собой хороший приёмник инфразвука. Попадая в резонанс с каким-либо искусственным источником инфразвуда, человеческое тело начинает работать наподобие ушной перепонки на приём информации. С одной стороны, этот эффект можно использовать для лечения радиоволнами, с другой – как средство прямого неосознаваемого внушения, эффективно подавлять человеческую волю, навязывая другую. Частота звука настолько ниже «эфирного шума», что не позволяет его обнаружить. Таким образом, звучание слов необходимой для внушения фразы понижается до требуемой частоты при помощи компьютерной программы и записывается на микшере поверх звуковой дорожки, например, музыки, и ничего не подозревающий слушатель подвергается гипнозу. Аналогично работает и система видеостимуляции (эффект «25-го кадра» или «феномен Бэрда»). При перезаписи в фильм вклиниваются очень короткие (0,04 секунды) врезки картинок внушаемого текста или образа, интенсивно повторяемых через каждые пять-десять секунд. Данные методы воз-

действия на человеческую психику использовать в средствах массовой информации запрещено законодательством. Но остается ещё одна свободная территория – Интернет, на неё никакие ограничения СМИ пока не распространяются. Интернет – единственная территория, популярность которой с каждым годом растёт. Осталось только придумать, как заманить потребителей на web-сайт проекта. Но и здесь на помощь Сергею пришла уже существующая в мире мобильной связи система: «Скачивай рекламу, и мы оплатим твои разговоры. Чем больше рекламы увидишь, тем дольше будешь говорить по телефону бесплатно». Но закачанную рекламу из телефона можно сразу удалить, а гипнотические сны из головы – вряд ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.